

*Детективы
о женщине-стихи*

Читайте детективные романы Ирины Градовой:

Диагностика убийства

Мальтийский пациент

Врачебные связи

Рецепт от Фрейда

Сколько стоит твоя смерть

Жена государственной важности

Инстинкт хищницы

Слишком легко, чтобы умереть

Ирина **ГРАДОВА**

**Слишком легко,
чтобы умереть**

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Оформление серии *Н. Никоновой*

Градова, Ирина.

Г75 Слишком легко, чтобы умереть : [роман] / Ирина Градова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Детективы о женщине-стихии).

ISBN 978-5-699-91632-0

Чтобы спасти мужа, она способна на все: начать собственное расследование, изучить психологию мстителей и овладеть искусством просчитывать следующий шаг безумца. В Петербурге орудует сумасшедший преступник — смерть угрожает любому врачу или медсестре, однажды в жизни совершившим ошибку. Черную метку от палача получает и муж Агнии Смольской. Что перекилит — мощь ее любви или разрушительная энергия ненависти?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Градова И., 2016

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-91632-0

Пролог

Он не знал, сколько прошло времени. Вот уже несколько лет он не носил часы, предпочитая мобильный телефон. Однако даже если бы часы и были у него на запястье, он все равно не смог бы узнать, который час, ведь руки связаны за спиной. Ноги накрепко примотаны к ножкам стула, а тот прикреплен к полу.

Как бы вы себя чувствовали, если бы вас схватили прямо в подъезде, надели на голову воняющий сырой рыбой мешок, стукнули по голове так, что искры из глаз? Он как чувствовал, что не стоит заходить в подъезд, когда заметил, что лампочка в предбаннике не горит. Эх, нужно было остаться на улице и подождать кого-то еще или хотя бы позвонить жене, чтобы она выглянула в окно... Что теперь говорить? Он этого не сделал, а потому сидит сейчас здесь, то ли в подвале, то ли в сарае, пригвожденный к месту и томимый ужасом — что с ним собираются сделать? И ведь знал же, знал, что кто-то имеет на него зуб! В полиции сказали, что письма с угрозами сами по себе ни о чем не говорят, нужны более веские доказательства, если ему грозит что-то

страшное. Приходите, когда вас пристрелят, тогда и разберемся — они так всегда отвечают. Чем же и кому он так насолил?

Звук поворачивающегося со скрипом ключа заставил его вздрогнуть и напрячься. Сейчас все станет ясно, сейчас он наконец сможет договориться с незнакомцами. Он не сомневался, что ему удастся выиграть время, а уж потом — держитесь, сволочи, все сядете, все до единого!

Вспыхнул яркий свет, ударил прямо в глаза, и он невольно на секунду зажмурился, потому что за долгие часы сидения в темноте привык к ней и даже мог различать очертания предметов вокруг. В помещение вошел человек. И при виде его лица стало понятно, что договориться не получится.

Приходя домой позже Шилова, я обычно застаю его на кухне — пьет зеленый чай в ожидании моего прихода или возится у плиты. Надо же, я всю жизнь мечтала встретить мужчину, умеющего готовить, но считала это желание несбыточным, ведь наш мужчина способен без приключений разве что сварить сосиски или яйцо вкрутую. Но мне повезло. Олег — прекрасный кулинар, и я с удовольствием дегустирую блюда восточной кухни — правда, без мяса. В те же дни, когда мы оба чувствуем ностальгию по типично русской еде, готовлю я. В последнее время, увы, это случается все реже.

Так вот, в будний день вечером Олега частенько можно застать на кухне. Но это — когда он в хорошем расположении духа. Понять, что он в плохом настроении, я всегда могу без труда. Работа у Шилова тяжелая — и физически, и морально. Оставаясь оперирующим ортопедом, он заведует отделением ортопедии и травматологии. Это означает, что стрессов в его жизни хватает, и порой мне приходится играть роль громоотвода, мягкой жилетки и гейши — все в од-

ном флаконе. Вот и сегодня, едва вошла в квартиру, я сразу почувствовала неладное. Куся, моя черная терьерша, сейчас живет у мамы с Дэном, иначе она обязательно выскочила бы в коридор и принесла мне тапку. Вторым, как правило, появляется Олег — если он дома. Но сейчас Шилов не вышел мне навстречу. У этого могло быть два объяснения: или мой муж устал как собака и просто не в состоянии подняться с дивана, или потерял пациента.

Олег сидел на диване и пялился в экран телевизора. Именно пялился, потому что звук был выключен, а показывали шоу «Дом-2», которое в здравом уме Шилов не стал бы смотреть даже под дулом автомата.

— Итак, — вздохнула я, — что у нас плохого?

Он посмотрел так, словно мое появление оторвало его от медитации.

— А-а... Это ты.

— Что случилось? Неприятности?

— Как тебе сказать...

— Да уж ты скажи как есть, — предложила я, садясь в кресло напротив. Когда Олег в таком состоянии, бесполезно пытаться приласкаться к нему или начать жалеть, словно маленького ребенка, — он этого не примет. Нужно просто разговаривать. Всем известно, что проблема становится гораздо меньше, когда проговоришь все детали с тем, кому ты небезразличен. Этому научила меня жизнь и мой коллега по ОМР (Отдел медицинских исследований) психиатр Павел Кобзев. Я присоединилась к этой новой организации около двух лет назад и никак не ожидала, что работа мне понравится, а коллеги станут

близкими друзьями. Кажется, с тех пор минула целая вечность.

— Так что же произошло? — терпеливо продолжала я допрос. — Главный или пациент?

— Пациент, — нехотя выдавил из себя Шилов.

— Как это случилось?

Я знаю, Олег всегда тяжело переживает каждую потерю и долго копается в себе, пытается понять, не допустили ли в чем-то ошибку.

— Во время операции, — кивнул он. — Все так по-дурацки вышло — ты не поверишь. На сегодня была запланирована операция одного мужика со сложной проблемой в колене, да еще и сердце ни к черту. Если бы я мог решать, то вообще отговорил бы его от операции. С другой стороны, он занимал довольно высокую должность, хотел полноценно работать, а не орать от боли каждый раз, как опирается на левую ногу..

— Так умер-то мужик от чего?

— Сердце не выдержало, кажется.

— Так это не твоя вина! — воскликнула я. — Кто у вас был анестезиолог?

— Роман Извеков.

Так, это уже хуже. Мы с Романом не ладим — с самого первого дня, как он появился у нас в анестезиологии. Даже объяснить не могу, что в этом парне меня не устраивает. Он довольно молодой, лет тридцати пяти или вроде того, амбициозный, предприимчивый. Каждое из этих качеств само по себе не является отрицательным, но добавьте к ним еще невероятную самоуверенность, нежелание при-

слушиваться к чужому мнению и, что мне особенно несимпатично, умение подольститься к начальству. Уж на что наша заведующая, Елена Охлопкова, не переносит подхалимов, но и она пала жертвой обаяния Извекова. Правда, никаких объективных причин не любить коллегу у меня нет. Разве что эта: когда я еще не была замужем за Олегом, Извеков пытался подкатиться ко мне. Считал, что раз я сплю с Робертом Караевым из ортопедии (мы два года были любовниками), значит, даю всем, кто попросит. Ему пришлось разочароваться, и с тех пор Роман меня недолюбливает. Впрочем, наши чувства взаимны.

— Значит, ошибся Извеков? — уточнила я.

— Трудно сказать до вскрытия, — покачал головой Олег. — Армен этим займется, как только руки дойдут.

Армен Багдасарян — один из наших патологоанатомов и приятель Олега.

— Послушай, — сказала я, — у тебя что, действительно есть причины считать, что смерть наступила в результате халатности или врачебной ошибки?

— Да нет, — пожал плечами Шилов. — Не знаю...

— Ты сам говорил, что операцию вообще делать не следовало из-за проблем с сердцем, верно?

Я старалась убедить Шилова, что в смерти больного его вины нет, и в то же время понимала, что он все равно не оставит это самобичевание. На его месте я чувствовала бы то же самое.

Уже потом, когда я приняла душ и мы сели ужинать, я сказала:

— У этого твоего покойного пациента есть родственники?

— Да, конечно, — кивнул Олег, ковыряя вилкой в салате с таким остервенением, словно пытался отыскать там спрятанный клад. — Приходили его жена и брат. Именно мне пришлось сообщить им о его смерти. Знаешь, ведь Свиридин давно был моим пациентом, и я знал его как облупленного! Он раз в полгода ложился в отделение, ему проводили процедуры, иногда кололи синовиальную жидкость. Операцию откладывали до последнего, поскольку состояние его здоровья вызывало беспокойство. После госпитализации я дважды отменял хирургию — сначала потому, что анализы оказались не в порядке, потом из-за кардиограммы. Ты в курсе, индуисты и буддисты верят в предопределение? Я, как врач, не имею на это права, но сейчас мне кажется...

— Что?

— Мне кажется, что это все были предупреждения, понимаешь? Чтобы не делать Свиридину эту чертову операцию.

Что прикажете с ним делать, с этим моим муженьком? Нет, я только за, если у человека повышенное чувство ответственности, но чтобы настолько! Но переделывать Олега бесполезно, а разговор об этом может лишь привести к скандалу. Скандалов мне хватило в первом браке, поэтому я стараюсь второй раз не искушать судьбу. Так я поступила и сейчас.

— Ты будешь зеленый чай или фруктовый? — как ни в чем не бывало я встала из-за стола.

Мы, петербуржцы, постоянно жалуемся на погоду. Признаюсь, я одна из тех, кто ноет больше всех. Ненавижу дождливый климат и сырость этого города, вечную грязь на улицах, летом — пыль, зимой и весной — мокрый талый снег. Ненавижу короткое прохладное лето с редкими солнечными днями — летом я всегда вспоминаю, что в какой-нибудь Турции или Болгарии полгода можно купаться и загорать.

В этом году все по-другому. Как обычно, июнь прошел незамеченным, с бесконечными дождями и температурой, мало отличающейся от майской. А вот потом начался ад. Естественно, поначалу мы радовались, что градусник показывает выше тридцати — в кои-то веки и у нас, в Питере, наступило настоящее лето. Народ кинулся на пляжи, к водоемам, и наплевать, что официально купаться запрещено — кого и когда это останавливало? Черные, как сенегальские негры, мужчины и женщины бороздили улицы, по которым даже летом снуют синевато-белые тела, покрытые гусиной кожей. Мы ощущали себя как в Египте, только вот рядом, к несчастью, не было Красного моря.

Все бы хорошо, но такая экстремальная жара не тяготит, только если находишься в отпуске. Когда же приходится работать, это настоящая мука — для всех, кроме нас, обитателей «подвала». Подобно всем государственным и муниципальным больницам в Питере, наша не оснащена кондиционерами. Только в кабинете главного да в некоторых офисах завов отделениями стоят вентиляторы, которые,

честно говоря, только гоняют пыль из угла в угол, но прохлады почти не добавляют. Как анестезиолог, я провожу большую часть времени в операционных. Там кондиционер работает в полную силу, и мы не ощущаем дискомфорта. Это в прямом смысле жизненно необходимо: разве может обливающийся потом, задыхающийся от духоты врач всерьез отвечать за пациента на своем столе? Однако, выбираясь на поверхность, мы, как и все остальные, попадаем в пекло. Я по-настоящему сочувствую нашим больным, вынужденным маяться в палатах — особенно тем, чьи окна выходят на солнечную сторону. И, самое главное, лежачим! В моем отделении пациенты лежат только сразу после операции, но, попадая по необходимости в другие, я вижу, что большинство тех, кто способен передвигаться самостоятельно, стараются укрыться в коридорах, подальше от окон.

Вот и сегодня мне нужно было обсудить предстоящую операцию с пациенткой из ортопедии. Ей предстояла плановая операция на тазобедренном суставе, и я собиралась задать больной несколько обычных вопросов насчет наркоза. Зайдя в палату, я с удивлением отметила, что женщины резко отпрянули друг от друга, хотя до этого, похоже, что-то оживленно обсуждали.

— Добрый день, — я не могла не видеть колючие взгляды и честно недоумевала об их причине. — Кто здесь Анна Робертовна Нечаева?

— Это я, — отозвалась одна из тех, кто смотрел на меня с недоверием. Дама лет шестидесяти, несколько лет назад сломала шейку бедра и с тех пор

может ходить только на костылях. В свое время ей крайне неудачно сделали операцию, и теперь сустав разрушился практически полностью. Нечаевой было показано эндопротезирование. Кстати, она категорически отказалась, чтобы новую операцию делали в той же больнице, что и предыдущую. Что ж, ее можно понять.

— Вы анестезиолог?

— Да, и мне нужно побеседовать с вами насчет наркоза.

Женщины переглянулись, и я снова почувствовала себя неудобно. Что здесь, собственно говоря, происходит?

— Мне нужен хороший наркоз! — заявила Нечаева. — Сколько это будет стоить?

— Нисколько. Наркоз у нас бесплатный.

— Знаем-знаем, какой у вас бесплатный наркоз! — перебила меня пациентка. — От него потом не проблюешься, извините за выражение. Нет, мне нужен такой, от которого просыпаешься быстро и безболезненно.

— Во-первых, просыпаться вам и не придется, потому что вы не будете спать, — терпеливо пояснила я. — Анестезия при вашей операции производится регионарная, то есть местная. Во-вторых, и это самое главное, мы не торгуем наркозом: вы получите именно тот, который показан при ваших хронических заболеваниях, если таковые имеются.

Я отлично понимала, что она имеет в виду. В большинстве больниц это устоявшаяся практика: пациентам откровенно втюхивают лабуду насчет того, что

анестезия бывает хорошей, то есть платной, после которой оправляешься быстро и без последствий, или плохой — бесплатной, но с отвратительными побочными эффектами. За «хорошую» анестезию берут не так уж много — от тысячи до двух тысяч рублей, в зависимости от бесстыдства анестезиолога, так что большинство предпочитает заранее оплатить свой комфорт. На самом деле наркоз зависит от показаний для конкретного пациента — именно поэтому перед операцией необходимо выяснить, нет ли у него аллергии на компоненты анестезии. Цены лекарственных препаратов и в самом деле могут разниться — это зависит и от составляющих наркоза, и от производителя, однако анестезия, полагающаяся при бесплатных операциях, всегда прилагается бесплатно. При бывшем заведующем в ортопедии и травматологии такой вид оболванивания больных цвел пышным цветом, но теперь эта лавочка прикрылась: если Шилов прознает, что кто-то занимается такими делами, устроит страшный скандал. Именно поэтому мало кто рискует с ним связываться, хотя многие недовольны. В других отделениях, насколько мне известно, бывает по-разному. Кое-где вовсю идет бойкая торговля не только наркозом, но и кровью для переливания, а также лекарственными препаратами, которые предлагают купить якобы вместо бесплатных, но худшего качества. На самом же деле больницы получают все это, включая наркоз, отнюдь не для продажи. Другое дело, что хороших и дорогих препаратов гораздо меньше, кому-то должно повезти, потому что он успел отхватить импортный